

★ НИКТО, КРОМЕ НАС! РОССИЙСКИЙ СПЕЦНАЗ! ★

« ГРУППА ★ АНТИТЕРРОР »

СПЕЦНАЗ

Максим ШАХОВ

СВИНЦОВАЯ
ОРДА

Спецназ. Группа Антитеррор

Максим Шахов

Свинцовая орда

«ЭКСМО»

2014

Шахов М. А.

Свинцовая орда / М. А. Шахов — «Эксмо», 2014 — (Спецназ. Группа Антитеррор)

Этнические немцы Игорь и Ольга родились и выросли в киргизском городе Ош. После распада Советского Союза они эмигрировали в Германию и приезжали на родину только раз в год – проводить родственников. Очередная плановая поездка внезапно обернулась настоящим кошмаром. Политическая обстановка в Оше накалилась, мирные демонстрации переросли в массовые беспорядки, и улицы города заполонили толпы разъяренных киргизов. Игорь и Ольга, опасаясь за свои жизни, обратились за помощью в российское частное охранное предприятие, сотрудники которого за скромную плату согласились вывезти граждан Германии из охваченной беспорядками страны...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	11
Глава 4	15
Глава 5	21
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Максим Шахов

Свинцовая орда

© Шахов М., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Неким чинушам из ЖЭКа понадобилось мое свидетельство о рождении. Я достал ящик с важными и ценными бумагами. Усевшись с ним на диван, начал выкидывать разные счета и квитанции, чтобы добраться до папки с документами, и тут мне под руку попала пачка фотографий.

Отпихнув ящик в сторону, я разложил фотографии веером. Как быстро пролетели десять лет, с тех пор как я ушел из армии!

Я взял в руки твердое фото, сделанное «Полароидом». Сейчас это экзотика, а тогда возможность получить моментальную фотографию, прямо не отходя от кассы, считалась равнозначной чуду. Вот мы и нащелкали этих фотографий целый десяток. Мне досталась по жребию та, где есть я, Игорь и Витя. Зеленоватые бушлаты, медицинские косынки, повязанные в виде галстуков, как у бойскаутов, одинаковые бородатые и загорелые дочерна лица. Витя напялил еще и черные очки. Я, как сейчас помню, сказал ему: «Какого черта ты их надел? Тебя и так не узнаешь, а через много лет ты сам себя не узнаешь на этой фотографии». Он тогда ответил, что так много не проживет. Накаркал, идиот. Убили его в 99-м в Дагестане, где-то под Ботлихом.

Игорь же из армии сразу после первой чеченской уволился, и след я его потерял. Так сильно дружили, а потом он словно исчез – ни письма, ни звонка. Кто-то мне говорил, что он жив-здоров и даже весьма преуспел в частном бизнесе, но вот старые друзья его как-то перестали волновать.

Хотя чего это я так заврался? Какой я ему старый друг? Я с ним и знаком-то был два года, когда «пиджаком» срочную проходил. Закончил я свой зоофак в 94-м, месяц отдохнул после получения диплома, а тут и повестка. «Сим сообщаем... что согласно подписанному контракту... вы обязаны...» и так далее. Еще до сдачи диплома, помню, вызывают меня на военную кафедру. Ласково так спрашивают: «А не хотите ли вы, новоиспеченный товарищ лейтенант, свое заочное обучение превратить в полноценную службу?» А у меня в голове только госы на тот момент были да защита предстоящая. И потом, такие вопросы с кондачка не решаются. Нужно было подумать, обмозговать... И после учебы пятилетней погулять хотелось. Какая, на хрен, армия?!

Вот я им и ответил:

– Если приказ будет – не откажусь, конечно. Но добровольно не хочу, так как имею перспективную работу.

– Это после зоофака-то? – усмехнулся подполковник Чеченов. Он вообще всякие шутки и приколы любил – большой души человек, я вам скажу.

В общем, я, конечно, нахмурился, губы сжал и промолчал.

– Ладно, ладно, – сказал Чеченов. – Все понятно. Свободны, товарищ студент.

Я откланялся и так – бочком, бочком – и ушел.

Так ведь все равно догнала меня повестка. Но, честно сказать, я не особенно расстроился. Потому что хоть и молодой тогда был, но не такой уж и тупой, как некоторым казалось. С работой по моей специальности стала совсем труба. Скотину в хозяйствах успели всю перерезать, разводить было больше нечего. Без специальности ничего не заработаешь. Коммерческой жилки я в себе сроду не ощущал. А без денег жить было грустно. Не сидеть же на шее у родителей, которые сами с хлеба на квас перебивались и были рады до смерти, что я институт наконец-то закончил. А в армии зарплата плюс казенное содержание. Тем более офицер – не солдат! Ведь не зря я на военную кафедру три года ходил и всю эту муть наизусть учил?

И потом, физически я себя очень уверенно чувствовал. Еще с девятого класса упорно занимался единоборствами. Начал случайно, за компанию, а потом увлекся, так и пошло. Друзья как-то отсеялись, а я наоборот – остался. Тренер у нас был хоть и самоучка, но очень

сильный. Я его пятку на своей челюсти до сих пор чувствую – гонял нас беспощадно и бил безжалостно. Клуб был бесплатный при средней школе. Мы по вечерам ходили и в воскресенье в шесть утра. До сих пор помню: темень, безлюдно, снег под ногами морозный хрустит. Дрожишь весь, спать хочется, и единственное выходное утро до слез жалко. Придешь, и сразу начинается: разминка, отжимания на кулаках, приседания, растяжки. Долго, нудно, болит все. А потом сидишь в общем кругу возле матов и ждешь: вызовут тебя для спарринга – или нет. И вроде ничего такого, а все равно сердце екает. Особенно если тренер Заура выставляет. Заур здорово махался тогда: он нас на три года тренировок опережал. И бил беспощадно. Раз так в челюсть мне въехал, что я неделю жевать не мог.

И когда в институте учился, занимался тхеквондо. Раз на внутреннем турнире сошлись с одним азиатом, кажется из Калмыкии, – он мне в голову, я – ему. Он – мне, я – ему. В общем, долго мы так пропускали, потом он упал. А я ничего. Терпимо. Меня еще на один бой хватило. Только голова была как чугунная, соображал плохо. Проиграл поэтому.

Вообще, тренироваться мне нравилось. К сожалению, в профи я бы не прошел. Лучше было в клуб ходить, чем на зоофак наш тащиться.

В общем, отправился я в армию без особой радости, но и без тоски и печали. Служить мне не нравилось ровно до первой зарплаты. Как только ее получил, сразу взглянул на мир другими глазами. Я таких денег никогда не держал в руках раньше. Говорят, в других местах военным плохо платили, но у нас на Северном Кавказе такого не было. Платили почти день в день.

Вот только командир разведроты в нашем батальоне меня отчего-то невзлюбил. Я человек в обычной жизни очень мирный, несмотря ни на что, и от него просто держался подальше. Но он все лез и лез. Шутки у него были неподобающие. Раз порвал мне бушлат на спине, который я за свои деньги купил, так как на вещевом складе «пиджакам» выдавали какие-то недоделанные. За это я его и приложил. Но не слишком сильно. А он этого словно ждал. Глаза выпучил, рот оскалил – и на меня! Я все же не хотел сильно драться. Он по боку мне слегка проехал, терпимо; я думал, он успокоится. А он раз – и в скулу! В каптерке находились два дружбана его: один «пиджак», один – кадровый, они уселись поудобнее. Думали, наверное, сейчас цирк начнется. Но я тот бой вспоминаю с удовольствием. Долго я до этого отрабатывал один хитрый приемчик – три последовательных быстрых удара ногой, не опуская ее и опираясь только на другую. Грубо говоря, сбоку, прямо и вверх. Вот этот третий удар «вверх» у меня плохо получался. То ли энергии не хватало, то ли сил, то ли природных способностей. А тут такая злость меня взяла, что он у меня получился! Влепил я этим третьим ударом серии разведчику нашему в челюсть так, что улетел он у меня через стул и башкой своей тупой об стол грохнулся. Смотрю, и дружбаны ноги резко под себя подобрали, рожи вытянули, пасти заткнули. А бушлат его, что на стуле висел, я порвал в отместку, свой забрал и ушел молча.

С тех пор мы с ним ровно держались. Без улыбок, но уважительно. Недели три вообще не разговаривали, а потом постепенно стали общаться, но только на служебные темы.

Как бы то ни было, но слухи о нашей схватке по части разошлись. У меня, как и у всех почти «пиджаков», были проблемы с личным составом. Они все-таки служить начали раньше меня. Да и местных абреков в роте хватало – эти вообще отмороженные на всю голову. А тут, смотрю, стали тише себя вести. Уже на «вы» все называют, никто тыкать больше не рискует. Хотя, конечно, я расслабляться не собирался. Местные эти очень опасные существа. Могли и провокацию какую устроить запросто.

Мне здорово помогло, что меня в местный «клуб» пригласили тренироваться. Там контрактники были, которые этим делом увлекались, из города какие-то парни приходили. Офицеры были. Менты даже были. Нормальные парни, по крайней мере, с виду. Спокойные, уравновешенные. И мне такая среда была вполне привычна – запахи, звуки, ощущения везде одинаковы.

И я так вошел во вкус, что мне этих занятий пару раз в неделю стало мало. Да и делать мне в части, честно говоря, было нечего. Бойцы по нарядам расписаны, а если я сам не в карауле, то делай что хочешь. Скука. А тут комбат всю плешь проел: «Почему вы не заняты, товарищ лейтенант? У вас то, у вас это». На то и на это люди нужны. Раз он застал меня на спортгородке и опять начал: «Почему вы один здесь, а не с личным составом?» Так он меня допек, что я зашел в казарму, мобилизовал кого смог, и привел их на спортгородок. «Я, – говорю, – кмс по карате. (Приврал, конечно.) Буду делать из вас бойцов – по бразильской системе». Это я из «Ералаша» вспомнил. Был такой сюжет там, когда за вратарем зеркальная витрина была. Но из моего контингента никто, видимо, ничего не понял. Один абрек заартачился. Типа – «Кто ты такой?! Да я пошел». Что мне оставалось делать? Сделал я ему бросочек один. Грохнулся он и лежит. Орет: «Тебе конец!» Я говорю: «Будешь орать, будешь с Дадаем дело иметь». А Дадай в местной ментовке был что-то вроде авторитета. Не поймешь – то ли авторитет из ментов, то ли мент из авторитетов. Он сам как раз боевыми искусствами не занимался, не надо ему было, но в зал иногда заходил. Чего ему там нужно было, не знаю. Дадай молодых местных не любил почему-то, вроде что-то личное. Если какой молокосос к нему в обезьянник попадал, то огребал по полной – неважно, кто там у него родственники.

Остальные, глядя на такое дело, вообще притихли. Ну и, соответственно, начал я их гонять. Тут папоротники подтянулись поглазеть, потом ротный прискакал, потом сам комбат. «Вот, товарищ майор, – говорю я ему, – веду занятия с личным составом по рукопашному бою. Знаю, что не по расписанию, но что могу». Он посмеялся, но ничего не сказал.

Я, честно говоря, думал, что в следующие дни никого не соберу. Будут прятаться от меня по щелям, как тараканы. Но вот ошибся. Местных человек пять сами пришли, наверное, пробили, что я и правда не пустое место; славян я смог еще человек пять отловить по казармам. Мне все равно было, кто из какой роты или отдельного взвода – главное, что не занят ничем. Так как-то и пошло. Я форму держу, они пыхтят, терпят. Комбат, что хорошо, перестал зудеть. А когда пришел новый призыв, то тут у меня вообще проблем не стало: эти мне в рот смотрели, пикнуть не смели, не то что возразить. Я так было приготовился всю службу в таком режиме оттарабанить, а потом, глядишь, и на реальный контракт – лет на пять – посмотреть... Но тут эта чертова война началась...

Мой поток воспоминаний, вызванный случайно попавшим в руки фото, прервал визгливый сигнал домофона.

Глава 2

Я все никак не мог привыкнуть к этому звуку. Железную дверь с домофоном в нашем подъезде поставили совсем недавно, после громких и оглушительных разборок между жильцами. Я сам еще не привык им толком пользоваться, а уж мои друзья, которые раньше приходили в гости как к себе домой, и подавно. Толкнут по привычке дверь ногой, а она – железная. И стоят, смотрят на нее, как бараны на новые ворота: не могут номер квартиры вспомнить.

Откуда у меня собственная квартира? Довольно странная история. В Саратове – в этой квартире – жила моя двоюродная бабка. Видел я ее в жизни – если не соврать – раза три, не больше. И вдруг – неожиданно-негаданно – оказалось, что свою однокомнатную, полученную за работу дворником (при советской власти такие квартиры дворникам давали), приватизированную квартиру она завещала мне. Вся родня немного обалдела, потому что, хотя у нее самой детей не было, были родственники и поближе меня. Сестра ее, например. Кто-то сказал, что я похож на бабкиного отца как две капли воды, свою близкую родню она вообще недолюбливала, а нынешнюю власть ненавидела, чтоб оставлять ей квартиру. Вот и не нашла ничего лучшего, чем мне квартиру завещать. Сестра ее пробовала права качать, но на меня где сядешь, там и слезешь. Я скоренько документы оформил: там подарок, там – денюжка. Где – малая, где – побольше. Когда надо, я могу и сам нужную инициативу проявить. Вот и стал я владельцем квартиры.

Оказалось, что в домофон звонил Леха. С ним мы вместе учились в институте, одну кафедру закончили, только он сумел ловко уклониться от призыва. На пятом курсе женился скоростно и завел ребенка. У нас с факультета не всех призывали, выборочно. Видимо, решили, что зачем призывать семейного с малым ребенком, когда неженатых и бездетных полно? Только я даже не знаю, кому из нас больше не повезло. Я ни секунды не жалею, что служил. А вот не жалеет ли Леха, что остался дома, – это еще большой вопрос.

Подвела его излишняя любовь к сексу. Как сейчас помню, еще курса со второго его словно заклинило: только о бабах и говорил. Красавцем он не был, чтобы они на него сами вешались, денег не было – все мы, наш круг общения, тогда были бедны как церковные крысы. К слову сказать, в нашей группе пара мажоров все-таки училась. Только круг общения у них свой был, и бабы – соответственно – свои. Так что Леха только мечтал. Но кто ищет, тот всегда найдет. Или так лучше сказать: бойся своих желаний, ибо они исполнятся. Где Леха выкопал эту бабу, я не знаю. Была она его на два года старше, раньше училась в одном с нами институте и жила где-то от Лехи неподалеку. И закрутился у них роман. Леха просто в эйфорию впал. Дорвался, а эта ушлая, видимо, ему ни в чем не отказывала. Мозг у Лехи отрубился напрочь. Только и рассказывал, сколько, как и в каких позах у них вчера было. И допрыгались до беременности и вынужденной свадьбы. У Лехи была мачеха, которой была безразлична его судьба. Отец тоже как-то не особо переживал по этому поводу. Он вообще очень флегматичный мужик был. Просто сказал, что денег на свадьбу нет. Ну нет и нет. Невесте было не до этого. Просто пошли в ЗАГС и зарегистрировались. Я на торжестве тоже был. И как-то я еще тогда подумал, что добром вся эта история для Лехи не закончится.

На свадьбе жених напился до положения риз, что особого удивления не вызвало. Но когда невеста напилась сильнее жениха – гости несколько занервничали. И имя-то какое-то у Лехиной жены оказалось странное – Ядвига. Пьяная, беременная... Я тогда еще решил, что долго эта комедия не продлится. Но Леху я недооценил. Родилась у него дочка – слабенькая и болезненная, – и прикипел к ней Алексей просто без памяти. Ну а там где дочка, там и мама. Жили они все у ее родителей, ну а где же еще? Кто бы стал терпеть Ядвигины загулы, кроме ее матери. Кто был ее папаша, я не знаю, а Леха как-то очень невнятно на эту тему выражался. Я подозреваю, что если он вообще был, то квасил нехило, раз Ядвигу пришлось кодировать.

В общем, оказался Леша примерным семьянином при никакой жене. Вот только после того, как я уволился из армии и осел в Саратове, Леха ко мне зачастил в гости. Я его хорошо понимал: к родителям своим идти было тошно – там его особенно никто и не ждал, в семейном «гнездышке», видимо, просто осточертело. Куда ему было еще идти? Был, правда, общий друг Славик, но он и сам недавно женился на богатой и перспективной невесте, и ему было сейчас не до Лешки. А я – один. Обычно я его угощал пивом. Иногда Леха сам приносил трехлитровый баллон.

Но вот как раз сегодня у меня в холодильнике было пусто. Я вообще не люблю убираться в доме. Посуду мыть начинаю, когда она больше не помещается в мойке, пылесосить – когда от пыли начинаю чихать, в магазин тащусь тогда, когда в доме реально нечего пожарить.

Через пару минут двери заскрипели, и возник Леха. Руки у него были пусты.

– У меня ничего нет, – сразу предупредил я без особых церемоний. – Если хочешь пива, надо идти в магазин. Денег я могу дать.

Леха, к моему удивлению, махнул на это рукой. Прошел в комнату и рухнул в мое любимое кресло.

– Что? Опять?

– Ага, – кивнул он. – Опять нажралась. Комп мой уронила, сука!

А вот это было уже серьезно. Еще учась в институте, Леха увлекся компьютерами и программированием. Настолько сильно, что постепенно это стало его основным увлечением. Институт он закончил без особых успехов, зато как спец по компьютерам репутацию себе завоевать успел. Так что сейчас он этим делом как раз и занимался. Ну не скотину же ему лечить, правда? Которой еще и нет к тому же. Компьютеров стало больше скотины, и лечить теперь нужно именно их.

– У меня работа срочная, – выдал, наконец, Леха, скрепя зубами и нервно дергая ртом. – Дай мне на твоём компе поработать. Мне пива не надо.

Я, честно говоря, намеревался и сам побродить в дебрях Всемирной паутины, но раз другу надо...

– Садись, – разрешил я милостиво, сам поражаясь своему благородству.

Леха выпрыгнул из кресла и прыгнул на шар «Торнео», который заменял мне офисный стул. Компьютер включился, Леха заурчал. Они нашли друг друга.

Я же все-таки решил сходить за пивом. Заодно можно было прикупить что-то из еды – дня на два. Но только переоделся в джинсы и безрукавку, достал деньги из тумбочки, отодвинув временно Леху в сторонку, как тут зазвонил мой домашний телефон. Когда автоответчик назвал номер, я громко выругался матом. Это звонили с работы, и это явно был не кто иной, как мой непосредственный начальник. Оставалась еще одна маленькая надежда, что этот звонок не связан с вызовом на работу. Вдруг ему просто хочется что-то спросить?

Я поднял трубку.

– Станислав? – спросил шеф. – Двигай в офис. Есть задание.

Глава 3

Я оставил Леху дома, взяв с него обещание никуда не отлучаться до моего возвращения. Он что-то пробурчал, не отрывая глаз от монитора, но мне этого было вполне достаточно. Дверь у меня защелкивается, и если этот чудик выйдет и ее захлопнет, то просто не сможет попасть обратно. Но это уже его сугубо личные проблемы.

Я прихватил ключи от своего «Форда» и вышел на улицу. Машина стоит около моего подъезда. Не вижу смысла покупать гараж. Машина для меня – это реально не роскошь, а средство передвижения. Я совершенно не понимаю людей, которые ставят свои машины в гараж за пять остановок от дома, а потом едут до дома на общественном транспорте. Мне лично жалко ставить машину даже на ближайшей платной стоянке, потому что оттуда нужно десять минут идти до дома пешком. У меня иногда не бывает этих десяти минут. Я ведь все-таки в ЧОПе работаю. Ну и потому, что я работаю в таком месте, местные вандалы обходят мою машину стороной. Мне, честно говоря, и не понадобилось никому ничего объяснять. Просто как-то раз за мной заезжали коллеги – такие бритоголовые конкретные пацаны с торчащими из-за пояса волынами. И местная шушера, которая грызла семечки на лавке, это видела. И с тех пор они вежливо со мной здоровались и обходили мой «Форд» десятой дорогой.

Хорошо, кстати, что я не успел выпить пива. Конечно, с моей работой в принципе лучше вообще не пить, вызвать могут в любую минуту, даже ночью. Но я ведь не монах, правда? Но я если и пью, то в свой законный выходной день. Имею полное право. Ну а если я выпил с литр пива или рюмки три водки, то могу сесть за руль и доеду куда угодно. Я вожу осторожно, никогда не лихачу. Почему так? Потому что я не так боюсь смерти, как боюсь глупой смерти. Скажем, гибель в бою – это одно. Был молодой, тогда в Чечне – ведь ничего не боялся. Сейчас уже вспоминаю то время и потом покрываюсь. Сейчас кажется страшно, хотя уже, казалось бы, чего переживать? А вот разбиться на машине – это просто тупость. И самое обидное, что ты можешь ехать аккуратно и все ПДД соблюдать, а какой-то олух или пьянь в тебя вмажется со всей дури. Хорошо хоть Гейко научил: «Думай за дураков». Я и думаю. Ну, когда сам совсем трезвый. Когда поддатый, тут только за собой слежу, чтобы не накосячить.

В общем, выехал я со двора, с трудом, правда, потому что благосостояние нашего народа растет на глазах и весь двор уже машинами забили, проехал под аркой и вывернул налево, на проспект. Влился в поток машин. Вроде все хорошо, но, честно вам скажу, не люблю я ездить по городу. Вот сколько уже лет езжу – а все равно не люблю. Потому что не могу расслабиться. Все время – то светофоры, то знаки, то разметка. То придурки на дороге, то менты в засаде.

Вот за город ездить мне нравится. Раз – обгон, два – обгон, и потом, если повезет, можно минут десять, а то и больше просто спокойно и быстро ехать, ни на кого не отвлекаясь и не дергаясь.

Лето, выходной, пробок в городе не было, и до офиса я добрался в рекордные сроки. На часах стоял Ваня Большой.

Большой – потому что реально большой. Ровно два метра. У нас был еще один Ваня, и, разумеется, его называли Маленький. Хотя какой он был маленький, если его рост составлял метр восемьдесят? Но по сравнению с Ваней Большим... Сначала Ваня Маленький злился и психовал, а потом плюнул. Маленький так маленький.

Ваня Большой хотя слегка и напоминал нашего знаменитого боксера Колю Валую, но такой остротой ума не отличался. Начальство использовало его в основном для устрашения. И взгляд у него был очень тяжелый – посетители робели и трепетали.

– Ты чего? – спросил он, временно оторвавшись от монитора, где раскладывал своими могучими руками очередной пасьянс.

– Дима вызвал, – вздохнул я.

– А, – равнодушно отвернулся от меня Ваня и снова заводил мышкой по столу. – Давай, дуй.

У нас в конторе сотрудников можно условно разделить на три примерно равные части: блатные, менты и военные. Ну, то есть, понятно, на тех, кто пришел из МВД, кто из армии и тому подобного, а кто – из братков. Как мы тут все уживаемся? Менты с братками, например? Ну, во-первых, их уже давно друг от друга отличить трудно, а во-вторых, не пересекались мы никогда. У нас было два главных начальника, и три зама. Один работал с братками, другой – с ментами, и третий – с нами. То есть с бывшими военными.

Наш, то есть мой, шеф, приводил меня в изумление, правду сказать. Маленький, толстый, в очках. Лицо какое-то... Несерьезное, так скажем. Глаза маленькие, губы тоненькие, голос, я бы даже сказал, писклявый, взгляд – вечно настороженный. Никогда он никому не говорил, где и чем занимался. Я думал, что он вообще не военный. Совсем. Кто-то рассказывал мне, что он чей-то родственник из наших учредителей. Закончил вроде бы академию управления какую-то, не служил он нигде сроду. А и зачем? Он же нам только задания раздает. Ему же их выполнять не надо. Блатные или менты его, может быть, быстро бы подставили. А мы – люди военные, дисциплинированные. С нами ему проще всего.

– Добрый день, Станислав! – пропищал шеф, подав мне руку. Несмотря на бешено крутящийся вентилятор, Дима взопреп, а его мокрые руки оставляли отпечатки на лакированной поверхности стола.

– Что случилось? – задал я вполне естественный вопрос, потому что просто так в выходной у нас выдергивать сотрудников из дома все-таки не принято.

– Есть задание. Длительная командировка.

Ну, все ясно. У нас в конторе, как ни странно, не так уж много неженатых сотрудников. По крайней мере, в нашем «военном» подразделении. Как там у братков, я не знаю, но раз дело поручили Диме, значит, браткам его поручить было нельзя. А менты у нас вообще поголовно женатые. Потому, если задание связано с длительным отъездом, обычно оно достается или мне, или Коляну, или Аманату. Я, правда, не сильно расстраиваюсь, потому что чем дальше от боссов, тем спокойнее жизнь, а командировки, грех жаловаться, у нас оплачиваются хорошо.

– Куда? – спросил я, все еще стоя возле стола. Меня еще в армии научили, что без приказа вышестоящего нижестоящему садиться как-то не принято.

Штатский элемент Дима периодически забывал, с кем он имеет дело, и ставил нас и себя в неудобное положение. Но сейчас он на удивление быстро сообразил, почему я стою с каменным лицом.

– Садитесь, пожалуйста.

Я погрузился в мягкое кресло напротив стола. Дима пожевал губами и хлопнул в ладоши. Я позволил себе тонко улыбнуться.

– Дело не совсем обычное. Нужно будет съездить в Ош.

Я только приподнял бровь. Ош? Это, кажется, где-то в Киргизии?

– Ош – это на юге Кыргызстана, – сообщил мне Дима. – Попасть нужно срочно, поэтому полетите самолетом. Сначала – до Бишкека, а там – до самого Оша.

Дима полез в папки и достал оттуда фотографию. Он протянул ее мне. На фото я увидел девичье лицо: холодное, сероглазое. Волосы светлые. Губы крепко сжаты. В целом – не славянское лицо. Дима дал мне вторую фотографию. На ней был парень: черноволосый, лицо круглое, глаза грустные, словно обиженные. Губы большие, и даже на фото я заметил приличную щель между верхними передними зубами.

Я молча ждал продолжения разъяснений.

– Девушку зовут Хельга. Это сейчас. Раньше ее звали Ольга, но в Германии она изменила себе имя. Парень – Игорь. Это ее брат. Их общая фамилия Клаус.

Это было весьма любопытно, но я молчал. Перебивать начальство нельзя. Тем более – Диму, который очень нервничает, думая, что все над ним за его спиной посмеиваются, прикалываются, просто ржут и показывают в карманах фиги. Поэтому я изобразил любопытство только движением головы.

– Их родители – немцы и жили при советской власти в Оше. Затем, в девяносто втором, удачно эмигрировали. Но не все. Деды остались там. Говорят, очень упрямые люди, отказались уезжать из мест, где родились и прожили всю сознательную жизнь. Эти двое – Игорь и Хельга – отправились к ним в гости, чтобы проведать и постараться убедить переехать в Германию. Кажется, в Баварию, но это, разумеется, для нас не имеет никакого значения. В путешествие они отправились на собственной машине. Между прочим – не самой дешевой.

Тут я не удержался и заржал. Дима тоже улыбнулся, но, соблюдая свое начальственное достоинство, только прыснул, пряча от меня глаза.

– Туда они доехали. Как – не знаю, это мне неизвестно. Но, видимо, путешествие было простым, потому что...

Дима сделал паузу, и я усилил внимание, понимая, что теперь мне объяснят цель задания.

– ...потому что они боятся возвращаться одни и без охраны.

– Я должен их привезти? – все-таки я позволил себе опередить начальственную речь.

– Да.

– Я – один?

– А что в этом сложного? Просто помочь людям приехать. Кроме того, свободных людей у меня сейчас нет. Вы же знаете, все на объектах. А с женатыми сами представляете ситуацию.

Я нахмурился. Дима снова пожевал губами.

– Заказчик обещал хорошую премию лично исполнителю, если доставите немцев сюда в целости и сохранности. Если есть желание, можете взять с собой попутчиков, а свои расходы на них покроете за счет этой премии. Других предложений у меня нет. Думайте, Станислав, сами.

Я не индивидуалист, и всякую неприятную работу предпочитаю выполнять в команде: двое работают – один страхует; один работает – двое страхуют. А тащить двух немецких баранов из черта на куличках через две границы одному...

Дима протянул мне приказ.

– Идите в кассу, получайте деньги. Вылететь желательно завтра, сегодня нужных рейсов уже нет. Крайний срок – послезавтра, но тогда придется писать объяснительную на имя руководства – вы же знаете порядок. И еще – неофициально. Заказчик – хороший друг Валентина Петровича (я помнил – это один из наших учредителей), поэтому он и обратился к нам. Так что уж не подведите, Станислав.

– А какой размер премии? – хмуро спросил я.

– Пятьдесят тысяч рублей.

М-да, не особо густо. Я забрал приказ.

– Разрешите идти?

– Ну что вы, Станислав, как... Идите, работайте.

Я вышел из кабинета.

Если вы думаете, что я сразу рванул в аэропорт за билетами, то вы сильно ошибаетесь. В первую очередь я хотел посмотреть, чем там занимается Леха в моей квартире, но, честно говоря, не лежала у меня душа к этой поездке. Я знаю, что там происходит, новости смотрю и по телевизору, и по Интернету, а иной раз даже могу и газету купить. Так что о том, что в Киргизии неспокойно, оттуда выгнали бывшего президента Бакиева, и он теперь околачивается в нахлебниках в Минске, я прекрасно знал. И нетрудно было понять, почему так переживают за свое безопасное возвращение немцы, которые, оказывается, приехали в Ош еще в конце апреля. Почему они так долго там пробыли – это не мое дело. Мое дело – их оттуда вытащить. Но когда я только глянул в приказе, какая машина у этих немцев, мне сразу слегка поплохело –

«Порш»! Короче, фрицы отправились к киргизам понты кидать, а я теперь в одиночку должен вытащить этот дорогостоящий и потенциально самоубийственный автохлам? И почему все-таки один? Начальство понимает, что на такой заказ мало кто из наших подпишется? А меня не жалко?

Признаюсь, была у меня мысль, пока я рулил до дома, никуда не ехать, а просто написать заявление об уходе. Но потом я подумал, чем я тогда буду заниматься, и мне стало грустно. Все-таки приличные деньги за несложную работу, которая обычно доставалась мне в ЧОПе... А тренировки в зале и на стрельбище я за работу и не считал, мне это было только в удовольствие.

Так я ничего не придумал, вырулил под арку к себе во двор, поставил «Форд» в тенечке, под огромным кустом белой сирени, открыл ключом квартиру, оттуда послышались голоса.

Глава 4

Вот именно – голоса! Это не были ни радио, ни компьютер, ни телевизор. Это были настоящие человеческие голоса. Но ведь уходя, я оставил в квартире только одного Лешу! Что за чертовщина? Он что – ко мне домой откуда-то бабу приволок? Но ведь это абсурд!

Я вошел в комнату и увидел вытаращенные на меня глаза Славика.

Все стало ясно.

Славик стал моим товарищем еще раньше, чем Леха. Познакомились мы с ним, будучи так называемой «абитурой» на отработку в колхозе – при советской власти это было обязательно, тем более сельскохозяйственный вуз. Слава был будущим экономистом, но жили мы в одной комнате целый месяц, отчего довольно сильно сдружились. Потом наше знакомство продолжалось ни шатко ни валко, но вот в армию мы со Славиком попали в одну бригаду. И вскоре снова оказались в одной комнате, хотя и служили в разных батальонах.

Как и у всех молодых лейтенантов на Кавказе, у Славика быстро начались проблемы с местными гопниками. Я уже говорил, что мне удалось в какой-то степени с этой проблемой справиться и к нам в комнату они ломиться перестали. Для Славика это было огромное облегчение, и, надеюсь, он был мне здорово благодарен.

Но, в любом случае, сдружились мы еще крепче, так что по возвращении домой Славик стал частенько заглядывать ко мне на огонек.

Что мне в Славике не нравилось, из-за чего я остерегался ему полностью доверять, так это его постоянное и неудержимое вранье. Нет, по мелочам он не врал. Его насквозь лживые рассказы касались исключительно его личного благосостояния, его влиятельных знакомых, зарубежных поездок, сногшибательных телок, с которыми он тусовался, и такого прочего. Я уверен, что все это полная чушь. Однажды мне надоело, и я сообщил Славику, что если он не перестанет трюндеть о своей крутости, то местные гопники, чтобы не упустить такого жирного баклана, приедут к нему прямо домой. К чести Славика, он сразу сообразил, что я в чем-то прав, и резко заткнулся. До конца службы он держал язык за зубами.

Тем не менее, вернувшись в Саратов, Славик сделал неплохую карьеру в налоговой. Сначала работал в районной инспекции, потом перешел в городскую, а через пару лет оказался в областной. Хотя я, честно говоря, думаю, что столь быстрому продвижению здорово помогла его женитьба. Почему эта девица выбрала Славика – высокого, худого, носатого и частенько заикающегося, особенно при волнении – ума не приложу. Но факт есть факт! Единственная дочь не самого бедного в городе бизнесмена выбрала именно его. То, что выбирал не он – я не сомневаюсь.

Папа – бывший директор треста, выкупивший его у самого себя за копейки, купил молодоженам отдельную квартиру. Живи и радуйся. Они и радовались! Ребенок родился. Но вот прошло четыре года, и Славик Лизе надоел. Обычно бывает наоборот, но Слава не мог позволить себе ссориться с богатым тестем. А вот Лизе бояться было нечего. После декрета она вернулась на работу в городскую администрацию, встретила старых поклонников... С этого момента Слава стал приходить ко мне гораздо чаще и жаловаться на жизнь. Так они ко мне по очереди и приходили – то Слава, то Леха. И даже сдружились между собой на почве тяжелой семейной жизни.

Я смотрел на них, и иногда возникавшая мысль, что время идет, я не молодею, что надо бы жениться, детей завести, вылетала напрочь. Чур меня! Чур!

– Что на этот раз? – спросил я громко и отчетливо, едва перешагнув порог.

Они оба испуганно оглянулись, и вид Славика мне сразу не понравился. Был он какой-то дерганый, с красными испуганными и слезящимися глазами. Да еще и противно сопел. Леха же выглядел озадаченным.

– Ну-ка, колитесь, что тут у вас происходит? – добавил я своему голосу напускной суровости.

– Э-э-э, – сказал Слава, шмыгнув носом. – У меня, как бы сказать, серьезная проблема нарисовалась.

Я рухнул в кресло, вытянул ноги и благосклонно кивнул головой:

– Слушаю внимательно.

Слава присел на краешек дивана, что ему, в общем-то, было несвойственно, и запинаясь начал рассказывать о своей беде.

То, что Слава как заместитель начальника отдела в областной налоговой частенько помогал своему тестю, для меня была не новость. Славик это не афишировал, конечно, но и особо не скрывал. До сих пор все подобные поручения были всего лишь в рамках дружеских услуг. Но теперь тесть потребовал, по словам моего друга, невозможного. Нужно было помочь важному партнеру тестя, проверку которого курировал отдел Славика, причем этот партнер был темным жучарой, но настолько неосторожным собственнно в учете, что налоговая недоимка лезла просто на глаза любому мало-мальски разбирающемуся в бухгалтерии человеку.

– Очень жадный тип, экономит на хороших специалистах, вот студенты-недоучки, которых он понабрал по дешевке, ему и состряпали весь учет, – пожаловался Славик.

Раньше это все сходило с рук, потому что у жучары были подвязки где-то много выше уровня Славика. Но того типа, который это все покрывал, взяли на банальной взятке. Рамсы попутал. Не по этому делу – по другому, но из игры он все равно выпал. И вот теперь закрыть эту совершенно внезапно образовавшуюся брешь должен был, по мнению тестя, дорогой зять Славик.

– Ты знаешь, – хрипел Слава, – я дружу с Уголовным кодексом. Все, что я в жизни допускал криминального, всегда тянуло максимум на административку. А тесть хочет втянуть меня в серьезные статьи! С моим-то везением! Меня же обязательно разоблачат и точно посадят!

– А что, – осторожно спросил я, – тестю тебя не жалко? А вдруг и правда посадят? Как же Лизка? Муж – уголовник, ребенок – сирота.

Слава скривился, как будто ему дергали зуб, но мне пришла в голову уже совершенно другая мысль, и я поспешил поделиться ею с окружающими.

– Слушай, друг мой, а не хочет ли Лиза от тебя отделаться? Ты им поможешь, они же на тебя накапают, тебя посадят, и твоя супруга свободна, как вольный ветер! Как вам такой вариант?

Слава впал в прострацию и глотал открытым ртом воздух. Он внезапно осунулся и даже, казалось, на глазах постарел и усох, хотя куда уж больше? Видимо, я поразил его своим предположением в самое сердце. Может быть, я случайно угадал тайные мысли самого Славика, которые в чужих устах выглядят куда более зловеще?

– Мне надо скрыться, – произнес Славик, когда его челюсть опустилась в нормальное положение. – Недели на две, пока все не уляжется. Я все равно отказался это делать и хлопнул дверью. Поэтому я и пришел сюда.

– Почему же не к маме? Я тебе кто – мать Тереза?

Не обратив внимания на мой тон, к которому Слава, видимо, давно привык еще за время службы в армии, он серьезно ответил:

– Маму я беспокоить не хочу. И потом, честно говоря, там нытья будет... Я не выдержу.

– А как ты скроешься с работы?

Славик крутанул головой, словно отмахиваясь от мухи:

– У меня отгулов набралось уже на месяц, наверное. Я напишу заявление.

– А если его не подпишут?

– Подпишут, куда они денутся! Зря я, что ли, по субботам на работу выходил? А не подпишут, все равно скроюсь. Вряд ли меня уволят. Ну а если и уволят, то это лучше, чем идти под статью... Давай я у тебя пока поживу?

Предложение мне не понравилось. У меня что, общежитие имени монаха Бертольда Шварца? Увольте. Если бы они хотя бы в квартире навели порядок... Но никто из них этим, разумеется, не озаботится: будет еще грязнее и гаже, чем даже есть сейчас.

– У меня тебя будут искать в первую очередь, после мамы, конечно. Не забывай, что твоя Лизка прекрасно знает, где я живу и где ты можешь спрятаться.

– А что мне тогда делать? – Славик опустил плечи. Таким растерянным и испуганным я не видел его уже давно, с тех самых времен, когда кавказские гопники обещали посадить его на нож, если он им не заплатит.

– Так, я сейчас сам схожу за бутылкой...

– Бери две, – перебил меня Леха.

– Ладно, – сказал я покладисто, после паузы, когда еле сдержался, чтобы не сказать какую-нибудь гадость, – тогда, Леха, пойдем вместе. Я один не хочу тащить бутылки и закуску. А ты, Славик, блин, тоже не сиди, как потерпевший, а вымой посуду и столовые приборы, будь добр. И рюмки тоже. А то у меня чистых не осталось вообще. Мы вернемся, посидим и что-нибудь придумаем.

Славик безропотно поплелся на кухню, а мы с Лехой легким стремительным шагом отправились в ближайший гипермаркет. Денег у меня сейчас было достаточно, настроение – неопределенное. Ну и раз уж мы все равно собрались все вместе, почему бы нам действительно немного не погудеть?

После некоторого размышления я взял не две бутылки водки, как намеревался первоначально, а три. Моего любимого «Голубого Топаз» почему-то в продаже не оказалось, и я купил местную «Столичную» в надежде, что хотя бы не отравимся. Закуску и квас на запивку выбирал Леша. Я только посмотрел в корзинку и одобрил его выбор. Нагруженные, как два осла, мы добрались до дома, изнемогая от пота.

– Только июнь, а уже как в парилке! – простонал Леша, рубашка которого на спине промокла насквозь.

Я промолчал. Меня это все тоже достало: я чувствовал, как ручейки пота стекают по моему телу. Очень хотелось на речку, но я знал, что сейчас это абсолютно нереально. Моя машина подмигнула фарами, на которые упал луч солнца, я открыл подъезд, и мы вошли в прохладу. Постояли, отдышались и поднялись по лестнице ко мне. Я хоть и жил на первом этаже, но подо мной были огромные полуподвальные помещения, поэтому без лестницы было не обойтись.

Слава, конечно, тот еще фрунт в отношении порядка, но не могу не признать, что на кухне в этот раз он постарался. Бытовая химия ему в помощь! Ее у меня было в достатке, другое дело, что я редко ею пользовался. Хотя покупал регулярно, видимо, по инерции. Слава, как мне показалось, пустил в действие ее всю. Он отчистил даже жаровню, которую я подумывал просто выкинуть. Этот факт меня почему-то напугал. Я решил, Славику так страшно, что он упорно отвлекается любой бездумной механической работой.

– Слава, ты супер! – тем не менее громко одобрил я его работу. – Так, давайте сразу по первой и накроем стол.

Я быстро открыл одну из бутылок, налил по полстопочки, раздал друзьям, и мы выпили. Леха занялся рукавом, Слава сразу налил себе и тут же выпил квасу, а я после первой не закусываю и даже не запиваю – первая у меня пролетает вообще незаметно.

Из кулинарии мы принесли котлеты по-киевски и несколько разных салатов. И, разумеется, копченую колбасу. Я вообще не представляю себе ни одной пьянки без копченой колбасы.

Когда в рот уже ничего не лезет, а водку пить надо и нужно чем-то ее закусывать, я закусываю копченой колбасой. Такая вот у меня выработалась многолетняя привычка.

Мы выпили по второй рюмке и начали есть. Друзья оказались весьма голодными, и у них просто трещало за ушами. Я тоже очень хотел есть, но сначала пришлось навести порядок.

– Не съдайте все так быстро! – предупредил я. – Закусывать нечем будет.

Слава, дожевывая кусок котлеты, согласно закивал головой. Ему явно захорошело. Но разговор пока не клеился. У каждого были свои причины для грусти, а я не мог подобрать тему, чтобы развеселить нашу унылую компанию. Чтобы зажечь разговор за столом, я могу подбросить даже провокационный вопрос, и если бы мои собеседники не знали, что я могу отправить кое-кого в глубокий нокаут, то быть бы мне часто битым. Но пока проносил.

Но даже ничего провокационного не приходило мне в этот момент в голову. Я, уже слегка навеселе, решил, что в этот раз никого шевелить не буду, а расскажу друзьям о том невеселом задании, которое мне подсунул мой писклявый шеф и его начальство. Обычно я помалкиваю о своих делах, но в этот момент мне не казалось, что в этом есть что-то секретное. Да и чего там секретного-то? В конце концов, и Леша, и даже Славик мне много ближе, чем любой из моих коллег на работе, не говоря уже об этом толстом уроде Диме.

И я начал рассказывать. Естественно, я приукрасил все возможные трудности и так распалился, что вскоре и сам в них поверил и ужаснулся. Леха и Славик начали оживленно обсуждать мою предстоящую поездку, развлеклись, повеселели – ведь трудности друзей и знакомых всегда повышают собственное настроение, пусть даже не намного, а потом – после шестой рюмки, я перешел в «контрнаступление». Я напомнил Лехе, что предупреждал его о такой жене, как Ядвига, что экзотическое имя и сексуальная активность – это еще не повод жениться, и все в таком духе. Леша разошелся и начал кричать, что, если нужно будет, он может и уйти от нее. Да! В любой момент уйти! Хотя бы прямо сейчас!

Доведя до белого каления Лешу, я переключился на Славика и его коварную супругу Лизу. Славик перестал улыбаться и снова съежился. Видимо, начал думать, где он будет кантоваться, пока не закончится вся эта мутная и опасная история.

И тут в мою пьяную голову пришла блестящая идея. Вернее, в тот момент она мне казалась таковой. Мы выпили где-то полторы бутылки и были в том промежуточном состоянии, когда в голове уже царит эйфория, а ноги, руки и язык еще работают.

– Братцы! – воскликнул я, стукнув кулаком по столу. – А поехали со мной! И все ваши проблемы решаются на раз! Леха проучит свою жену. Пусть поживет без мужа! Пусть поволнуется! Пусть почувствует, как это – остаться одной! Может быть, протрезвеет наконец и поймет, что так дальше жить нельзя! Что так быть не может! А ты, Славик, скроешься на время. Кто тебя сможет в этой Киргизии найти? Да никто! А потом вернемся, скажешь, что помогал фронтовому другу... Ну, как вам идея?

– А на какие шиши мы билеты купим? – спросил до предела меркантильный Славик.

Даже в пьяном угаре он помнил о своем гешефте.

– Слава! – Я широко и радушно распахнул руки. – Бабло есть. Мне выдали. На билеты точно хватит. Так что насчет этого будь спокоен... Но текущие расходы – за твой счет. Кормить тебя мне не на что.

Разговор как-то сразу зашел в практическое русло, и Слава даже не вспомнил, что он, в общем-то, может никуда и не ехать. Леха, до сих пор хмуро молчавший, внезапно широко улыбнулся.

– Я еду! – закричал он. – Давно я никуда не ездил. Все обрыдло! Имею право!

– Имеешь, – обнял я его. – Конечно, имеешь. Туда – воздухом, оттуда – на «Порше». Прикинь!

Внезапно Леха хитро прищурился:

– Я могу купить билеты прямо сейчас. Через Инет. Прямо домой принесут.

Возможность не тащиться завтра за билетами меня очень обрадовала.

– Давай, – сказал я. – Давай прямо сейчас!

– О'кей, – ответил Леха и с трудом, держась за стол, поднялся. Он ушел в комнату к компу, а Славик помчался в сортир. Я остался за столом, подпер тяжелую голову обеими руками. Хотелось говорить, хотелось убеждать, но никого не было рядом. Я выпил холодного квасу прямо из холодильника. Меня слегка отпустило.

– Паспорта! – крикнул из комнаты Леха. – Мне нужны ваши данные.

Я отнес свой паспорт, а документ Славика позаимствовал из его борсетки. Сам Славик по-прежнему сидел в сортире. Я надеялся, что он там хотя бы не уснул. Впрочем, если бы и уснул, невелика беда. В данный момент меня волновало только Лехино состояние. А он, по крайней мере внешне, чувствовал себя неплохо.

– Я заказал курьера, – сказал Леха, – откинувшись на спинку стула. – Он будет через час.

Я, хотя и был уже довольно пьян, но сразу почувствовал опасность. Если мы сейчас продолжим квасить, то до курьера мы можем просто не дожить. Чтобы предотвратить это, я отправился в ванну и подставил голову под струю холодной воды. Мне это немного помогло прийти в себя. Когда я вышел, за столом на кухне по-прежнему никого не было. Я заглянул в комнату: Леша уже погрузился в дебри Интернета. Он даже закурил. Обычно я выгоняю гостей курить на кухню, но сейчас мне было безразлично. Я принес Лехе пепельницу, тот благодарно проурчал что-то нечленораздельное, но даже не оторвался от экрана. Славик так и сидел в сортире. Меня и это не возмутило. Чтобы убить время, я пошел на кухню и начал мыть грязную посуду. В моей квартире временно стало тихо. В открытое окно вливались шум ночной улицы и тепло остывающего асфальта. Я включил радио. Славик, наконец, вылез из сортира и вернулся за стол.

– Чего не наливают? – сказал он, икнув.

– Мы ждем курьера с билетами, – ответил я спокойно. – Принесет, оплатим, продолжим.

– А водки нам хватит? – обеспокоенно спросил Славик, который, насколько я знал, спиртное пил-то раз в месяц, если не реже.

– У меня есть НЗ, – успокоил я его. – Для самых ответственных случаев в дальнем углу шкафа я держу бутылку «Немирофф». Нам хватит.

Курьер прибыл даже раньше, чем мы предполагали. У паренька был очень современный прикид – длинная осветленная челка, серьга в правом ухе и проткнутая шариками ноздря. Типичный представитель современной молодежи.

Сначала он с большим недоверием посмотрел на наши пьяные рожи, но, когда увидел паспорта и деньги, сразу успокоился. Курьер ушел, и мы, наконец, смогли вернуться за стол. Выпили еще по две стопки, и дальнейшее я помню более чем смутно. Помню, что стелил себе постель, а Леха и Славик укладывались на полу. Помню, что Славик вроде бы включал телевизор, но зачем и что он там собирался смотреть своими собранными в кучку глазами, я точно не знаю. И не узнаю никогда, потому что Слава вообще ничего не помнит ни о каком телевизоре.

Пробуждение мое было ужасным. Мутить меня не мутило, но голова раскалывалась. Я знаю эту свою физическую особенность, но так пока и не придумал способа ее побороть. Кто-то посоветовал мне пить перед пьянкой винпоцетин; я пробовал, но мне не помогло. Я знаю только один приемлемый для себя способ – выпить таблетку анальгина и снова лечь поспать. Я так и сделал. Хотел было зайти в туалет, но он снова был занят, и снова Славиком. Того, видимо, мутило, и выходить он не торопился. Я нашарил в старом бабкином комоде пачку анальгина, выпил сразу две таблетки, чтобы наверняка, и вернулся в постель. Леха, свернувшись калачиком, мирно дрых на полу, не подавая даже признаков жизни.

О Господи! Я хотел быстро заснуть, но вспомнил, что мы сделали вчера. Теперь, утром, это все выглядело не очень перспективно, несмотря даже на билеты, ровной стопкой лежащие на компьютерном столе.

Сейчас я был почти уверен, что Вячеслав решит, скорее всего, от нас срулить. Не сказать, чтобы он был трусоват... Хотя нет, вру. Это как раз и можно сказать. Трусоват. Поэтому постарается слинять. Значит, надо хотя бы взыскать с него стоимость билета. Я благотворительностью не занимаюсь, и деньги мне самому нужны.

Ну а Леха... А чего ехать Лехе-то? Ну, поругался с женой. Ну, разбила ему эта пьяная дура комп. Помиряется, первый раз, что ли? И комп починит. А не сможет, так новый купит. Они сейчас не такие дорогие, как раньше. Зачем ему со мной в Ош ехать?

И если эти двое сейчас сваливают, то придется мне лететь в Киргизию одному. Неприятно...

Здесь я, видимо, уснул, потому что когда снова открыл глаза, то Алексея на полу уже не было, и даже постель он успел куда-то убрать. Головная боль у меня прошла, чувствовалась только неприятная слабость во всем теле, и, можно сказать, легкий тремор.

Я поднялся и отправился на кухню. В ванной кто-то мылся.

– Леха, это ты? – спросил я, постучав по деревянной двери костяшками пальцев.

– Да! – ответил он сквозь шум воды. – А Славик пошел в налоговую. Сказал, через час будет здесь. Заявление начальнику отдаст, вещи в дорогу купит и вернется.

Это было любопытно. Вообще-то я был уверен, что Славу я теперь очень долго не увижу. Но раз он сказал, что будет покупать вещи в дорогу... Зачем он вообще это говорил? Можно, конечно, было позвонить ему по телефону и пригрозить, что если он не поедет со мной, то пусть возвращает прямо сейчас деньги за билет, но у меня не было желания этого делать. Тем более что Слава мог просто отключить свой сотовый, как он очень часто это делал раньше. Вместо этого я решил сделать себе кофе, несмотря на то что в квартиру с улицы уже начинал вливаться наш нестерпимый летний зной.

Хлопнула дверь ванной, и показался Леша. Утренний душ подействовал на него положительным образом: он выглядел явно свежее меня.

– Вылет в три часа, – сказал он. – На чем мы поедем в аэропорт?

– На такси, – пожал я плечами. – А свою машину я сейчас на платную стоянку отгоню. Заплачу, на всякий пожарный, за неделю, а там видно будет. А ты точно едешь?

Леха посмотрел на меня с жалостью:

– А ты думал, я шучу? Если я сказал вчера еду, пусть даже пьяный, значит, еду. Я своих слов на ветер не бросаю.

– Поменьше пафоса, – улыбнулся я. – Но я в тебе никогда и не сомневался.

Мы мирно выпили кофе, доели остатки вчерашнего пиршества. Я почувствовал себя гораздо лучше, а чтобы закрепить успех, да и вообще – собраться перед долгим перелетом, сам отправился в ванну. В это время раздался звонок домофона.

– Это Славик! – стукнул Леша в дверь ванной.

Я откинулся на спину. Ну и дела! Славик вернулся – мир перевернулся. Я мог предположить только один вариант. Дела у Славы реально поганые, и он боится оставаться в городе сильнее, чем лететь со мной в Ош.

Когда я выполз из ванной, до вылета самолета оставалось три часа. Я прикинул время на дорогу, на досмотр и решил, что времени на раскачку больше нет.

– Так, друзья, я сейчас галопом на стоянку. Когда вернусь, будьте в позе первой готовности. По зеленому свистку вызываем такси, и в аэропорт. Операция «Литой свинец» начинается!

– Почему «Литой свинец»? – спросил Слава.

– Ну ладно, тогда «Большой ***», – я неприлично срифмовал. (Леша заржал, Славик надулся.) – Какая разница? Леша, будь другом, закрой все окна на задвижки, выключи воду, газ, и выдерни все, что найдешь, из розеток. Ладно?

Леха кивнул. Я забрал свою борсетку, ключи от авто и отправился на улицу.

Глава 5

Я зря себя накручивал, перелет прошел без проблем.

На такси мы добрались до аэропорта, прошли паспортный контроль и досмотр (смотреть-то у нас было особо нечего – небольшие сумки с мыльно-рыльными принадлежностями и нательным бельем), недолго посидели в зале ожидания, погрузились на борт и взлетели.

Никто из нас не летел первый раз, поэтому подшучивать было не над кем.

Леша и Славик сидели вдвоем и о чем-то тихо гудели у себя в углу. Я пристроился один, развернул карту автомобильных дорог и изучал возможный маршрут передвижения Ош – Саратов. Но, честно говоря, меня гораздо больше занимала проблема киргизских и казахских таможенников. Я никогда еще не пересекал эти границы, а «слава» о доблестных работниках таможни очень далеко их обгоняла. Я представлял себе конвоируемый мною «Порш», двух глуповатых немецких граждан, широкую и алчную улыбку азиатов, и у меня холодело сердце.

Ладно, в конце концов, все дело упирается в бабло – убивать нас на границе никто не будет. Тем более граждан Германии. Чего бы там Казахстан о себе ни возомнил, но перед серьезными немцами он всегда делает «ку». А серьезные немецкие граждане не допустят такого, чтобы какие-то азиаты убивали даже не таких серьезных немецких граждан. Правда, есть нюансы... Додумывать эту неприятную мысль я не стал. Остановимся лучше на денежной стороне.

Дима, конечно, тот еще фрукт, но, к его чести, не такой дурак, как кажется – деньги на взятки мне в бухгалтерии выделили. При этом наш бухгалтер – кстати, умный мужик, – увидев, куда мне предстоит ехать, предупредил по-дружески, что наличных денег нужно держать при себе ровно столько, чтобы не жалко было потерять. Все остальное – на карточке. У меня был самый обычный Сбербанк, у Лехи – тоже, а вот Слава – хренов мажор – держал свои сбережения в Альфа-Банке, чем почему-то очень перед нами гордился.

Наш бухгалтер, кроме того, не поленился залезть в Интернет, нашел и распечатал мне различные отзывы о пересечении нескольких границ бывших советских азиатских республик. Я его искренне поблагодарил, но вчера, в силу хорошо вам известных событий, прочитать их не успел, да и не смог бы. Прочитал распечатку уже в самолете. Не сказать, что сильно удивился и что мои волосы встали дыбом. Но настроение все равно упало. Особенно меня впечатлили узбеки. Как-то сразу расхотелось с ними встречаться. Наверное, легче взорвать все эти таможни и перебить там всех подряд, чем их пройти.

Кстати, я решил, что нужно предупредить своих спутников. Особенно Славу, который любит качать права и может запросто начать махать своей налоговой корочкой, которая в этих обстоятельствах почти наверняка будет бесполезна. А неприятностей может принести нам уйму. Да и Леша, с его странным характером, может в любой момент взбрыкнуть. Этого тоже не нужно.

Я протянул листы напарникам и сказал, чтобы выучили наизусть. Слава ухватился за них первый. Искоса я наблюдал за выражением его лица. По мере того как глаза Славика пробежали по строчкам, лицо у него вытягивалось. Леша спросил что-то, но Славик только отмахнулся. Потом он передал чтиво соседу, а сам укоризненно посмотрел на меня.

Я перегнулся через проход:

– Не дрейфь, Слава, прорвемся!

Тот скривил рот, что, видимо, должно было означать улыбку, но глаза его снова стали испуганными, как вчера утром, когда он пришел ко мне домой. Наверное, Славик решил, что попадает из огня да в полымя. Впрочем, я его за уши за собой не тянул, и моя совесть была чиста.

У меня был и другой повод для волнения. Очень уж напрягала мысль, что я еду выполнять задание голый, как Махатма Ганди. Ни травмата, ни ножа, ни нунчаков, которыми я неплохо владею, ни даже простой палки покрепче – ничего у меня не было. Таможенники и пограничники – это, конечно, зло. Но ведь нам еще и ехать придется по довольно пустынным местам. Как проскочили до Оша на такой машине эти два малолетних немца – ума не приложу!

В Москве мы пересели практически мгновенно, а вот в Бишкеке рейса на Ош пришлось подождать. На досмотре киргизские таможенники смотрели на нас очень странно, но что возьмешь с голых и босых. Я думал, что нас должны принимать за обычных туристов, пока не сообразил, что туристы не ездят без фотоаппаратов. А мне и не пришло в голову захватить хотя бы один! А тут троица: русские, спортивного вида (про Славика этого, конечно, нельзя сказать, но ладно – немного преувеличим), без багажа, без туристских принадлежностей – чего это они едут в Ош, когда революционные события только-только утихли? Я подумал, что, хотя на рейс в Ош нас пропустили без вопросов, не факт, что там нас не встретят из местных компетентных органов. Поэтому, чтобы не сбиться, весь перелет до Оша Леха и Славик заучивали наизусть адрес пребывания в Оше и имена моих немецких клиентов. Я ехал к ним в гости, а Леха и Славик меня сопровождали. Версия мне казалась железной, но червячок сомнения грыз – поверят ли в нее киргизы? Судя по информации из Всемирной сети, они могли нас тупо подставить – на всякий случай. Как бы то ни было, а сердечко у меня екало, и я непрерывно вспоминал и клял Диму, наше начальство, их друзей-фашистов и это чертовое задание. Ох, и икалось им, наверное, в это время!

Самолет пошел на посадку, и я временно прекратил забивать себе голову. Странно, но взлета я боюсь больше посадки, хотя, по статистике, посадка опаснее – здесь разбиваются чаще. С другой стороны, масса людей панически боится летать и совершенно не боится садиться в автомобиль, хотя, опять по той же статистике, шансы погибнуть в авиакатастрофе по сравнению с автомобильными авариями на два порядка ниже. Я смотрел в иллюминатор, и когда самолет наклонялся то в одну, то в другую сторону, а земля соответственно уходила то вверх, то вниз, мое сердце то подступало к горлу, то ухало куда-то в живот. Слава и Леха продолжали болтать как ни в чем не бывало, и я им даже немного позавидовал.

Гул усилился, раздался звук тормозов, самолет дернуло, скорость начала снижаться, и я понял, что мы удачно приземлились. Я приготовился было похлопать пилотам за удачную посадку, как это делают приличные пассажиры в нормальных авиакомпаниях, но лица азиатской национальности, которые, за редкими исключениями, и заполнили этот рейс, никого благодарить не собирались, а, еще даже не дождавшись, когда самолет остановится, начали выволакивать свои баулы из верхних отсеков и из-под сидений.

– Мы никуда не торопимся? – спросил меня Славик, уже готовый сорваться с места, куда-то ломиться и щемиться, но я отрицательно покачал головой. Мне представлялось маловероятным, чтобы немцы решили выезжать прямо сегодня. А так светлого времени суток оставалось еще очень много. И потом, мне показалась разумной мысль о том, что пусть пока местные таможенники занимаются себе своими мешочниками. Авось устанут и не будут обращать на нас – трех светлокожих интеллигентов – излишнего внимания.

Последние мешочники миновали наши кресла, тогда я встал, с хрустом расправил плечи и размял ноги. Подхватил сумку и отправился первым из нашей троицы, коротко бросив через плечо:

– Держитесь за мной!

В первую очередь нужно было решить вопрос с въездным штампом. Опытные путешественники сообщают, что ставить въездной штамп в Киргизии не любят. Но из-за его отсутствия проблемы будут как внутри страны, так и при выезде.

Я решил следующим образом. Положим каждый в свои загранпаспорта (до сих пор не понимаю, как у Лехи оказался с собой этот важный документ; понимаю, Слава – тот притащил

ко мне, опасаясь подлянки со стороны жены и тестя, все свои документы; а впрочем, может быть, Леха сделал это по тем же самым причинам?) по пять баксов. Риск, конечно, есть: чисто теоретически могут начать шить дело о взятке должностному лицу. Но, с другой стороны, мы же вообще ничего не просим незаконного; мало ли – забыл валюту в паспорте. Всего-то пять долларов. С кем не бывает?

За стеклом – молодой мужик.

– Поставьте, пожалуйста, мне штампик на въезд.

Он внимательно посмотрел на меня. Усмехнулся.

– Умные все стали, смотрю.

Вернул мне паспорт. Штамп на въезд поставил – черный, жирный. Как надо! Доллары исчезли. За мной так же прошли Леха и Слава. Киргиз молча выдал им документы. Лицо у него повеселело. Видимо, пятнадцать баксов на дороге тоже не валяются. Я проверил паспорта у своих спутников. Все было в порядке. Штампы на месте. (Я отметил для себя обязательно проверить, есть ли нужные штампик у наших немецких подопечных.)

Однако это был только первый этап.

– Сейчас, наверное, нас будут менты цеплять на выходе, – предположил Леша, очевидно, тщательно изучивший переданный мной ему манускрипт. – Хорошо бы, чтоб их не было.

Мы вышли из стеклянных дверей аэропорта на прилегающую площадь. Ну что же, я все так примерно себе и представлял. Мои глаза выхватили в окружающей обстановке ряды маршруток – ведь аэропорт находится в девяти километрах от Оша, пешком идти, разумеется, можно, но несколько затруднительно; несколько сомнительных заведений с вывесками типа «Exchange» – нужно же иметь на руках и местную валюту; и, само собой, – вот они, родные, узнаваемые в любой обстановке менты. Может быть, конечно, в Киргизии они сейчас называются как-то иначе, но для меня все равно – менты.

Что еще мне сразу не понравилось, так это почти полное отсутствие европейских лиц. Мамою клянусь! Такого отсутствия белых я не видел даже в Дагестане. Ну, разве что в Чечне – да и то во время войны. Мы смотрелись на фоне снующей толпы как яркое белое пятно. Хоть бы рубашки черные надели, что ли, но это, строго говоря, не мой косяк. Слава и Леша пришли ко мне во всем светлом. Да в нашем городе в такую жару одеть темную рубашку никому и в голову не придет. Здесь, мягко скажем, тоже не холодно, но про то, какое значение имеет цвет материи в другом ракурсе, никто из нас не подумал...

Ну кто бы сомневался! Менты вылупили на нас радостно-изумленные глаза. Иностранцы туристы стран Запада, как я догадываюсь, и без того не особо радовали своим присутствием этот край, а после апрельских событий сюда мог приехать только полный фрик. Но, с другой стороны, а с чего это они решили, что мы туристы?

Мы успели сделать всего несколько шагов, как милицейский «бобик» подъехал прямо к нам. Оттуда вывалились три мента как на подбор – тощий, толстый и мелкий. Если бы ситуация для меня не была столь напряженной, я бы, конечно, с удовольствием поржал над этой троицей, чем-то весьма отдаленно смахивающей на знаменитую троицу Гайдая, но сейчас мне было не до смеха.

– Привет, братаны! – сказал нам троим старший лейтенант. Это тот, который самый толстый. Видимо, ему по чину положено было быть толще подчиненных. – Ваши документы?

Мы протянули ему наши паспорта. Он очень неторопливо стал их просматривать. Мне вспомнилась фраза из книги братьев Стругацких: «Паспорт он изучал, как библиофил изучает редкую инкунабулу». Что он там искал, нам было непонятно.

– Так, – протянул мент, не возвращая нам документы. – А где ваша регистрация?

– Какая регистрация? – спросил я (мои добрые друзья молчаливо предоставили «право» вести переговоры именно мне). – Прописка? Так там же есть, смотрите?

– Какая такая прописка? – воскликнул старлей. – Регистрация в Кыргызстане где?

– Какая регистрация? – Я уже возмутился. – Мы только что прилетели, вот штамп стоит.

– Ну и что? – сказал мент. – А разве регистрацию кто-то отменял? Непорядок, брат, сразу тебе говорю. Это нехорошая вещь. Ты наши законы нарушаешь.

– Ничего я не нарушаю! – возразил я. – Как только окажусь у родственников, сразу зарегистрируюсь. Ну не регистрируют у вас в аэропорту!

– Сильно умный, да? – Мент посмотрел на меня с неодобрением.

Лица его помощников стали хмурыми, всем своим видом выражая: «Вы влипли. А не надо было сюда ехать!» В голове у меня всплыла еще одна строчка из анекдота: «При приближении ГАИ водитель должен выйти из автомобиля, лечь на землю, в вытянутой в сторону левой руке должны быть зажаты сто рублей». Или примерно где-то как-то так. Видимо, менты хотели от нас именно этого, и очень злились, почему мы сразу не отдали им все наши деньги.

– Садитесь в машину! – сказал мне мент.

Я вообще-то читал предупреждения, что так они могут в карман и наркоту всунуть, поэтому отрицательно помахал головой.

Страж порядка молчал, постукивая себя по ладони нашими паспортами, молчали и мы. Молчание затягивалось. Но так как белых людей больше в округе не наблюдалось, а местные оборванцы местных же ментов не интересовали, торопиться старлею и его подручным было явно некуда.

Ситуация со всей очевидностью заходила в тупик. Теоретически, я просчитал, что могу вырубить этого жирного ублюдка одним хорошим ударом. На остальных тоже много времени не уйдет – слишком они беспечны и уверены в полной своей безнаказанности. Но начинать выполнение задания сразу же с нападения на местных ментов как-то не очень хотелось.

– Сколько денег с собой везете? – прервал молчание старлей.

– Наличные? Совсем мало. Мы вообще-то карточками пользуемся.

– Слишком умный, – снова констатировал мент. – Так, давайте по-хорошему. Нужно вашу наличность пересчитать.

– На каком основании? – спросил я, пораженный такой беспредельной наглостью.

– Просто законы у нас такие, – ответил мент. – У вас в России свои законы, у нас здесь – свои. Или делайте, что говорю, или поедem в отделение. Будем с вами разбираться.

Почему-то у меня мелькнула мысль, что он блефует. А вдруг нет? А вдруг отвезут в отделение, и нас вообще после этого не найдут?

Я даже на миг растерялся, но тут совершенно для меня неожиданно в игру вступил Славик. Иногда он бывает ужасно храбрый. Особенно когда чувствует, что его сейчас начнут грабить. Спокойно расставаться с деньгами Слава не умеет и не хочет.

– Я заместитель начальника отдела Саратовской областной налоговой инспекции, – сказал он и вытащил из внутреннего кармана удостоверение. Я вообще-то знал, что Славик с ним не расстанется, но не думал, что он прихватил его с собой и за границу. – Мы здесь по служебной надобности.

Слава держал развернутое удостоверение перед лицом мента, не отдавая его ему в руки. С большим удовлетворением я заметил, что теперь растерялся мент. Привык стричь беспомощных туристов и никак не ожидал встретить начальство, пусть даже мелкое и российское. Но, строго говоря, откуда местному менту, всего-навсего в невеликом чине старлея, знать, какое это начальство – мелкое или нет?

– И что вы тут делать будете? – еще по инерции спросил мент.

– Я вам должен докладывать? – визгливо взвился Славик. – Я тут пока переписал номер вашей машины...

Мне показалось, что я присутствую на постановке бессмертного богомоловского «В августе 44-го» (лично я перечитываю книгу не менее раза в полгода) и играю роль Мищенко. Только, к счастью, рации у нас нет...

– Э-э-э... Зачем?! – Теперь взвился мент. – Не надо ничего. Нет проблем.

Он отдал нам паспорта, и тут Алексей решил спросить у него:

– Товарищ старший лейтенант, как нам удобнее до города отсюда добраться?

Ошалевший мент машинально указал нам на ряд маршруток, стоявших справа, и ответил:

– На любой.

Мы поблагодарили старлея и отправились к маршруткам. Даже спиной я чувствовал, насколько «доброжелательно» смотрит нам вслед местная милиция.

Сразу выяснилось, что никакого расписания и даже подобия расписания в этом месте не было.

– Наверное, как наберут пассажиров, так и едут, – предположил Леша. – У нас в районе, где моя бабка живет, так же примерно ездят.

– Ты, Леха, прав, – ответил я ему, – поэтому давайте смотреть, где народу больше уже сидит, и сваливать отсюда пора.

Местный автопарк состоял, что неудивительно, в большинстве своем, из родных нам «Газелей», но было и два мерседесовских буса. Видок у них был еще тот, но все равно иномарка. У одного из этих бусов как раз толпился народ. Я присмотрелся, ведь народ народу – рознь! Одно дело разношерстная толпа пассажиров, а совсем другое – куча крепких бритоголовых парней. Ошибка идентификации может стать фатальной.

Но нет, это была самая обычная толпа: местные мужики, бабки с узлами. Можно было подходить.

– Вам до города? – вывернул откуда-то сбоку немолодой узбек. Оказалось, шофер, и по совместительству – владелец этой гордой колымаги. Не знаю, видел ли он сцену у ментовского «бобика», но в его речи сквозило, если мне, конечно, не почудилось, даже нечто вроде подбострастия.

– Я возьму рублями, – сразу предупредил он. А заметив взгляд Славика в сторону обменных ларьков, тут же предупредил, но тихим голосом:

– Не меняйте там. Там курс низкий. Обманут. Нехорошие люди.

В словах водилы сквозила железная логика, а приглушенный голос означал, что нехорошие люди не любят, когда о них говорят правду.

– Сколько стоит до города?

Пожилой назвал какую-то совсем небольшую, по российским меркам, сумму. Нас это вполне устроило.

Мы сели. Длинный Славик тут же уперся коленями в чей-то баул; от недовольства он скрипнул зубами. Машина продолжала стоять. В бусе было еще три свободных места.

– Мы что, будем ждать до тех пор, пока все битком не будет? – спросил меня Леха, с которым мы сели рядом.

– Мы тут не хозяева, – ответил я хмуро. – Пускай. Время у нас еще есть.

Мы простояли минут десять, и хозяин тарантаса сам устал ждать. Он залез на свое водительское место, завел двигатель, и мы стартовали. По мере нашего продвижения на горизонте вырастала Сулейман-гора. Я знал название, потому что успел в Интернете, правда, очень коротко, изучить путеводитель. Насколько ему можно сейчас доверять – тоже очень большой вопрос, но, по крайней мере, Сулейман-гора никуда не делась, да и деться не могла.

Приехали мы довольно быстро, что тут ехать – всего девять километров до города – но ничего выше четырехэтажных домов я так и не смог увидеть. У нас в области в райцентрах есть пятиэтажные дома, а тут! В основном домишки были частными, как говорится, с садами-огородами. Наш микроавтобус начал часто останавливаться, люди постепенно покидали салон, и в нем становилось все просторнее и просторнее. Я начал задумываться, где нам выходить: как-то не хотелось промахнуться и проехать до противоположного конца города.

– Отец, – обратился я к водителю. – Высади нас где-нибудь в центре.

– Конечно, дорогой! – воскликнул он. – У меня последняя остановка в самом центре, около базара, там, где раньше был кинотеатр.

Мне это ничего конкретного не говорило, но вполне хватало того, что это где-то в центре. Там я собирался ориентироваться по обстоятельствам, ведь людей должно быть много и, наверное, удастся найти кого-то, кто подскажет нам дорогу.

Прошло еще пять минут, машина резко свернула налево, еще раз налево и остановилась.

– Приехали, – повернулся к нам пожилой.

Мы отдали ему деньги и неспешно вылезли наружу. Я снова, чисто рефлекторно, начал отмечать славянские лица в толпе. Да, по сравнению с аэропортом их стало заметно больше, но это были, в основной массе, пожилые люди. Ни детей, ни девушек я не заметил, хотя кругом было очень многолюдно.

– Давайте не будем маячить, как три тополя на Плющихе, – командным голосом сказал я, – отойдем в сторонку, и я, наверное, позвоню. Надо же сообщить клиентам, что мы почти добрались до них.

Листок с координатами и номером телефона был у меня во внутреннем кармане. Я достал телефон и проверил, нахожусь ли я в роуминге. Все было вроде бы в порядке. Тогда я набрал номер и принялся ждать ответа. Трубку сняли быстро, словно кто-то ждал этого звонка.

– Кто это?

Голос был женский, с легкой хрипотцой. Я не минуты не сомневался, что он принадлежит Хельге. Но лицо на фото, которое мне дали в конторе, принадлежало достаточно молодой девушке, а голос на слух больше соответствовал как минимум тридцатилетней особе. Впрочем, скорее всего, так казалось из-за хрипотцы. Она добавляет женскому голосу еще как минимум несколько лет.

– Добрый день, Хельга! Меня зовут Станислав. Я приехал за вами из Саратова. Со мной еще два человека – это мои помощники. Подскажите, пожалуйста, как до вас добраться?

Последовала легкая пауза, и девушка ответила. Но совсем не так, как я ожидал:

– Если вы из агентства, то должны знать наш адрес. С нетерпением жду вас у нас дома.

Трубку положили. Я в некоторой растерянности еще раз набрал номер, но звонок сбросили.

– Что случилось? – с тревогой спросил Леха, увидев мое ошарашенное лицо.

– Страхуется девочка. Сказала, вы и так должны знать мой адрес.

Впрочем, я ее понимал. Мало ли кто может позвонить сейчас по телефону? Телефонные мошенничества такая распространенная вещь, знаете ли. А девушка оказалась несколько умнее, чем я думал. Неизвестно, насколько, но точно умнее.

Все это, конечно, хорошо, все это, конечно, правильно... Но теперь нужно было что-то делать самим. Я знал адрес, но как туда добраться?

Нужно было еще учесть, что на юге темнота наступает гораздо раньше, чем на севере, время шло к вечеру, и мне вовсе не светило оказаться в центре азиатского беспокойного города в темноте. Чревато, знаете ли. Я чувствовал, что дневной свет скоро померкнет – и положение солнца, и тени, и даже прохладный ветерок с гор – все подсказывало мне этот печальный, но неминуемый факт.

Я решил включить обаяние и спросить у местных жителей, как мне добраться до нужного места. Пока время еще немного терпело, я не собирался подходить к киргизам или узбекам. А надеялся, что мне повстречаются пожилые русские люди. Общаться с ними было бы в любом случае приятнее, чем с аборигенами. По крайней мере, мне так думалось. Минуты через три мне на глаза попались две русские старухи, неспешно передвигавшие ноги куда-то в направлении горы.

– Бабули, – остановил я их, – не подскажете ли дорогу до улицы Пушкина?

Они остановились, с интересом, но и с тревогой рассматривая меня. Настолько мрачным был этот взгляд, что я непроизвольно поежился.

– Не знаем, сынок, – ответила одна. – Тут улицы переименовывали часто. Уже ничего и не угадаешь.

– Ну а раньше? При советской власти? Была же здесь тогда улица Пушкина?

– А что было при советской власти, мы уже и не помним!

Здравствуйте, приехали! И что прикажете делать с такими людьми? Бабки не стали дожидаться моей ответной реплики, а пошли себе дальше. Слава хихикнул. Я выразительно посмотрел на него:

– Ночью в таком городе небезопасно, Слава! Тебе-то стыдно этого не знать.

Но он ничуть не испугался. Наверняка был уверен, что уж я-то обязательно что-нибудь придумаю.

Я решил продолжить в том же духе: один неудачный эксперимент ничего еще не значит. Новое русское лицо появилось в поле нашего зрения еще через пару минут.

– Здравствуйте, – вежливо сказал я проходящему мимо нас человеку, стараясь, чтобы мой голос звучал привлекательно. (Уж не знаю, насколько мне это удалось.)

– Здравствуйте, – сказал пожилой русский мужчина. Судя по одежде, какой-то бывший интеллигент, не нашедший возможности вовремя сбежать из бывшей «братской» республики.

– Не подскажете ли вы, как мне с друзьями добраться до улицы Пушкина?

Человек остановился, и я догадался, что вот ему, к счастью для нас, торопиться некуда и он с удовольствием нам поможет. (Если сможет.)

– Вам очень повезло, молодой человек, – покровительственно сказал интеллигент, – что вы обратились именно ко мне. Дело в том, что после проклятого девяностого года коренное население города практически разбежалось. Точнее, убежали те, кому было куда бежать. (Тут он нахмурился; я понял, что мужчина вспомнил что-то неприятное, и я испугался, что сейчас и этот человек нас покинет. Но он вздохнул и снова посмотрел на меня.) А убыль горожан пополнилась обитателями окрестных кишлаков. Уверяю вас, что города они не знают вообще; не знали тогда, но более того – и до сих пор не знают. Кроме того, улицы Оша постоянно переименовывали все последние годы, поэтому если на улице вам и встретится табличка с названием, то это вовсе не значит, что нынешние жители города знают эту улицу именно под этим названием.

Он посмотрел на нашу компанию и неожиданно спросил:

– Извините, а как у вас с деньгами?

Я весьма удивился:

– Э-э-э...

– Простите ради Бога. – Интеллигент прижал руку к сердцу. – Я вовсе не то... Просто я бы вам посоветовал такси, но не знаю, насколько...

– Все в порядке, – подбодрил я человека, – такси было бы просто здорово!

– Тогда все просто. Скажите любому таксисту, чтобы он отвез вас к магазину «Юность». Как он сейчас называется, я точно не знаю. Но раньше магазин «Юность» знали все – даже жители окрестных кишлаков. Там, видите ли, продавали бытовую технику в советское время. Сейчас, конечно, эти вещи люди приобретают на базаре. А тогда... Такси можно найти вон там, за углом. Обычно там несколько машин всегда стоит. Думаю, вы разберетесь... Ну, чем мог – помог. Разрешите откланяться?

– Спасибо, добрый человек, – ответил я, стремясь и сам быть учтивым. – Весьма здорово встретить такого приятного человека в столь дикой местности.

Интеллигент нахмурился, еще раз кивнул нам всем головой и ушел. Мы подхватились и отправились за угол.

Ну да, интеллигентный дядя не соврал – несколько машин, похожих на такси, действительно там находились. Мы подошли к первой попавшейся, а это была красная советская девятка, я наклонился к водительскому окошку и спросил:

– Шеф, до магазина «Юность» не подбросишь?

И снова оказался прав полезный дядька! Ничего не переспрашивая, средних лет водитель коротко кивнул мне:

– Садитесь.

– Нас трое, – уточнил я на всякий случай.

– Одна цена, брат, – улыбнулся таксист, – лишь бы в машину влезли.

– Рубли российские возмешь?

– Тихо, тихо, брат! Не шуми так громко. Я не глухой... По дороге обсудим. – Водила воровато оглянулся, и я понял, что, конечно, возмешь, но тут не хочет светиться – может, менты местные пасут, может, налоговая местная, кто знает, но штрафы-то все любят собирать. Со своих, с чужих – без разницы: а денег друзей нет.

Мы погрузились в тачку, и водила рванул с места, словно Шумахер. Дорога была ужасной, как после бомбежки. Уверен, их с советских времен никто не ремонтировал. На хрена для ослов такие дороги? Им и грунтовки вполне достаточно. Водила виртуозно рулил своим автомобилем, пытаясь поддерживать скорость, одновременно уклоняясь от ям, колдобин, выбоин, открытых люков, мусора, выброшенного прямо на дорогу. Если бы на моем месте был человек с чуть менее устойчивым вестибулярным аппаратом, его бы уже начало мутить. Я глянул мельком в зеркало заднего вида, и мне показалось, что Слава выглядел достаточно жалко.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.